

ЖЕГ ПЕЧАТЬЮ РОКОВОЙ...

В Пятигорске, в музее «Домик Лермонтова», хранится рукопись воспоминаний Александра Васильчикова, секунданта Лермонтова на его последней дуэли. Написанные через тридцать лет после рокового выстрела на горе Машук, они подробно рассказывают о тех трагических событиях.

ЕДИНСТВЕННЫЙ выстрел — Лермонтов своего сделать не успел — потонул в раскате грома. «Никогда не забуду, — вспоминает Васильчиков, — того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дуэлом пистолета, уже направленного на него».

Что это — мужество? Уверенность, что все закончится хорошо, ибо никаких серьезных причин для смертоубийства не было: поводом для дуэли послужило оброненное Лермонтовым пустяковое — хотя и язвительное — замечание? Равнодушные к смерти? Или, может быть, бессознательное стремление к таковой?

Воспоминания Васильчикова заканчиваются убежденным выводом: «Этот печальный исход был почти неизбежен при строптивом, беспокойном его нраве и при том непомерном самолюбии или превеликом чувстве чести, которое удерживало его от всякого шага к примирению».

И все это, повторяем, исходит из уст не только очевидца, но и человека, которому Лермонтов доверял, — а иначе разве сделал бы своим секундантом?

Итак, тяжелый характер, насмешливый ум, отсутствие терпимости — все это, разумеется, в содвинутой Печорина личностно, но судьба гения несет в себе, как правило, и некий подспудный смысл, ключиком к которому служат тексты писателя.

Дарование Лермонтова было универсально: с равным совершенством работал в поэзии, прозе, драматургии и при этом всюду оставался самим собой. Если вы сравните между собой «Демона», «Героя нашего времени» и «Маскарад», то обнаружите немало общего. В центре каждой вещи — герой, который несет разрушение и смерть.

Ни за что ни про что убивает жену Арбенин в «Маскараде», погибает из-за Печорина Бэла в «Герое нашего времени», умирает, обольщенная Демоном, Тамара.

Собственно, демоническое, разрушительное начало явлено и в Печорине, и в Арбенине, что же касается непосредственно Демона, то произведение это можно считать ключевым в творчестве Лермонтова.

Знаете, сколько редакций насчитывает поэма? Восемь. Первая — в ней меньше сотни строк — набросана восемнадцатилетним юношей, последняя завершена незадолго до смерти. По сути, «Демон» проходит через всю творческую жизнь Лермонтова, подобно тому, как «Фауст» — через жизнь Гете.

Чем же завораживает художника образ существа, несущего в мир разрушения? Уж не схождением ли — на глубинном уровне! — с самим автором?

Во вступлении к одной из ранних редакций прямо сказано: «Как демон мой, я зла избранник». В окончательном варианте слов этих нет, как нет и других, чрезвычайно важных для понимания героя:

Он жег печатью роковой
Того, к кому он прикасался.

Прозаический аналог этих строк находим в «Герое нашего времени». «Неужели, — размышляет Печорин, — мое единственное назначение на земле — разрушать чужие надежды?»

Но ведь герой, могут возражать, это еще не сам автор, это не Лермонтов, который в предисловии к роману весьма иронически отозвался о тех простодушных людях, что вздумают счесть по наивности, будто «сочинитель нарисовал свой портрет».

Предупреждению, увы, не вяли. «Печорин — это он сам, как есть», — категорически заявил один из читателей, причем не самый простодушный и к тому же лично знавший писателя. Виссарион Белинский — его имя...

Речь шла о Печорине из «Героя нашего времени», а между тем существует еще один Печорин, главное действующее лицо незаконченного романа «Княгиня Лиговская». Это тоже офицер, его тоже зовут Григорием Александровичем, но дело происходит не на Кавказе, как в «Герое...», а в петербургских салонах.

«Княгиню Лиговскую» Белинский не читал — она была впервые напечатана через три с половиной десятилетия после его смерти. Печорин здесь тоже губит женщину, губит сознательно и виртуозно, согласно формуле Демона:

Красавице погибнуть надо,
Ее не пощадит он вновь.

В ход идет даже анонимка, изобретение сугубо льявольское, демоническое, особенно если учесть, что автор и герой анонимки — одно и то же лицо. На самого на себя написал...

Ба, да возможно ли такое? Не хватил ли романист лишку?

Не хватил. В том же году, что и «Княгиня Лиговская», было опубликовано письмо Лермонтова одной его родственнице, где он с предельной откровенностью рассказывает, как «влюбил» в себя уже готовую обвенчаться с другим женщиной, — брак, естественно, был расстроен. «Я обращался с нею в обществе так, как если бы она была мне близка, давая ей чувствовать, что только таким образом она может покоришь меня». Затем творец «Демона» делится со своей родственницей, как «стал более холоден с ней, а наедине более нежным», — словом (здесь уже мы цитируем не письмо, а «Княгиню Лиговскую»), «пошел по следам древних воложит и действовал по форме, классической».

Форма, классическая форма не подвела — триумф был полным. «Но вот, — возвращаемся к письму, — смешная сторона истории: когда я увидел, что в глазах света надо порвать с нею, а с глазу на глаз все-таки еще казаться ей верным, я живо нашел чудесный способ — я написал анонимное письмо». И далее приводится отрывок из этого коварного послания, где соблазнитель дает самому себе — от чужого, разумеется, име-

ни — весьма нелицеприятную характеристику.

Интрига поистине в духе Александра Дюма, и не кто иной, как Дюма, впервые поведал о ней миру. Произошло это в 1859 году, когда вернувшийся из многомесячного путешествия по России и Кавказу писатель опубликовал книгу путевых очерков.

Одним из героев ее был Лермонтов. Автор «Трех мушкетеров» собственноручно перевел несколько стихотворений русского поэта (в том числе «Ночевала тучка золотая») и целиком процитировал большое, на несколько страниц, письмо графини Ростопчиной, поэтессы и близкой приятельницы Лермонтова, — письмо, где дан психологический портрет поэта и рассказана история с анонимкой.

Полный перевод книги Дюма «Кавказ» появился только теперь: его выпустило в 1988 году тбилиское издательство «Мерани». А шестьдесятю годами раньше в Ленинграде вышли записки Екатерины Сушковой — той самой женщины, которая стала жертвой лермонтовского мщения. (Кто был автор анонимного письма, она так и не узнала никогда).

Мщения? За что же? А за то, что когда-то — ему было тогда шестнадцать — увлекся ею, а ему, увы, не ответила взаимностью...

«Итак, — резюмирует Лермонтов в том своем письме родственнице, — вы видите, я хорошо отомстил за слезы, которые меня заставило пролить пять лет назад кокетство» этой женщины.

Той же идеей мщения одержим и Демон. «Он не впервые отомщал», — читаем в третьем варианте поэмы, написанном сразу после истории с неудачной юношеской влюбленностью. Здесь же Демон предвкусывает, как «погубит навсегда предмет любви своей минувшей».

Месть поэта тоже была демонической, но погубить все-таки не погубил, и Сушкова в своих воспоминаниях пишет об этом с благодарностью. «...Я еще благодарна Лермонтову, несмотря на то, что он убил во мне сердце, душу, разрушил все мечты, все надежды, но он мог совершенно погубить меня и не сделал этого».

Не пошел до конца — в отличие от своих героев, которые не щадят никого... С небывалой мощью выразил Лермонтов дух разрушения, и потому его творчество кажется мне сегодня особенно актуальным.

Оглянитесь вокруг — разве не обрывает нас тот же демон? Разве не ломаем мы все, что можно сломать, не рвем и не мстим? Разрушительная тенденция возобладавала над теневой созидательной — результат, как видим, плачевен. И это еще не все...

Вспомните, чем заканчивают лермонтовские герои. Умирает совсем молодым Печорин, сходит с ума Арбенин, обречен на холод вечного одиночества Демон. Разрушение рано или поздно оборачивается саморазрушением — Лермонтов доказал это не только своими произведениями, но кажется, и собственной судьбой...

Руслан КИРЕЕВ.